

Судьбы

За аварию, в которой погиб П.М.Машеров, колхозный шофер должен бы и сегодня быть в заключении. Он не может забыть тот роковой поворот...

Трагедия, произошедшая пятнадцать лет назад на Плисском повороте магистрали Минск — Москва, не стирается в памяти людской и по сей день. И не только потому, что автомобильная авария унесла жизни трех людей. И не только потому, что одним из этих троих был П.М.Машеров, ярчайший партийный деятель Белоруссии того времени.

До сих пор очень многим людям трудно поверить, что на Плисском повороте пятнадцать лет назад действительно произошла просто авария — нелепая случайность, непостижимое стечение обстоятельств, предусмотреть которые не смог бы самый изощренный ум.

Домыслы о причастности к гибели Петра Мироновича спецслужб всех мастей ходят до сих пор.

Снова и снова находятся те, кто ищет черную кошку в темной комнате. Так возникают очередные 'сенсации' очевидцев и мыслителей о гибели Машерова с участием таких действующих лиц, как Леонид Ильич, Чурбанов и Галина Брежнева, фантазии о бриллиантах, заговорах и зловредных происках разведок...

Довелось ознакомиться с письмами в Верховный Совет СССР (!) некоего Хромова, человека, который считает себя косвенным свидетелем аварии (проезжал в то время по магистрали). В письме (оно написано в 1992 году, то есть через 11 лет после трагедии) автор утверждает, что авария была не случайной. Доказательств у него, правда, никаких, но убежденность в 'неслучайности' за одиннадцать лет укрепились пропорционально слабеющим воспоминаниям: как можно было столкнуться на таком 'ровном' месте? Непростая! Кому-то это бы

вдаль: 'Видишь белую точку? Это его машина на разгрузке. Стой и жди. Приедет'.

Дождались. Махнула рукой. МАЗ с прицепом, подняв облако пыли, мягко тормознул:

— Садитесь, в дороге и поговорим. — Николай Пустовит просчитал цель моего визита быстрее, чем я представилась по полной форме.

Теоретически этот человек еще не освобожден. Пятнадцать лет назад он был приговорен Верховным судом к максимальному сроку заключения, и если — 'от звонка до звонка', то выйти на волю он должен был бы 4 октября текущего года.

Николая пока еще не атакуют журналисты — не знают, очевидно, но кто может лучше рассказать о том, о чем домыслы и фантастические слухи ходят до сих пор? Прошло пятнадцать лет. И есть ли в мире силы, которые заставили бы забыть о 'плисской трагедии' Николая Пустовита — виновника аварии, участника, в какой-то степени жертву?.. Впрочем, поверьте, слово 'жертва' моему собеседнику как-то не к лицу: прямой твердый взгляд человека, знающего себе цену, внешность, по которой трудно сориентироваться в возрасте, так что сладко сопящего на постели за сиденьями малыша чистосердечно приняла за его сынишку.

— Внучок, сын моего старшего, — перехватил он мой взгляд. Машина тронулась с места: нас ждали в поле. — Да-а-а. Если у вас будет возможность — ознакомьтесь с моим делом. У меня до сих пор вопросов к прошлому больше, чем ответов. Кое-что, конечно, стерлось в памяти, притупилось. И все-таки помню, что даже на суде пытался 'обороняться'. Следовательно жену мою предупредил, чтобы

том, что масса моей машины семь тонн четыреста, а их — три девятьсот. Ведь в этом случае 'Волгу' бы отбросило. Но она 'вошла' в меня: мотор моего колхозного 'газона' ушел в кабину, я загорелся, руль — в ребра, выбило зубы. В себя пришел уже заключенным под стражу.

— Ужасно, что в этом столкновении погиб всеми любимым Петр Миронович. Но как вы думаете, будь в машине 'простой' человек, следствие было бы таким же? И еще, лет десять спустя говорили бы, что это 'политическое' убийство? Требовали от вас признания в этом же духе?

— Нет-нет! Мне, по крайней мере в глаза, никто об этом не говорил. Хотя в процессе следствия понял, что возникает очень много вопросов к другой стороне: почему за рулем машеровской машины, на таком ответственном посту был водитель почтенного пенсионного возраста с соответствующей реакцией? Да и вообще он уже вроде как бы и не работал? Почему в сопровождении был новичок? Почему никто не знал, куда Машеров поехал, а рация 'потеряна' правительственные машины сразу за Уручьем?..

Мои вопросы остались по мне, я обращаюсь к ним, но как, как говорится, сам на сам — и не нахожу ответа. Следовательно по особо важным делам мне намекал на все это, но и давал понять, что мне все равно ничего не поможет...

Спросите у любого юриста и он вам ответит, что 'аварийные' дела самые спорные. Здесь все на грани. С одной стороны, водитель должен предусмотреть каждый камушек под колесом, неровность дороги, которые, собственно, могут и послужить причиной аварии. С другой — как их предусмотреть? Все же

тельства, никакие попытки доказать, что скорость эскорта экспертами была явно занижена, во внимание не принимались. Хотя мой следователь даже голоса не повышал, был со мной человечным — 'дело уже завертелось': я понял, что такое человек-винтик. Правда, очень боялся, что экспертиза на алкоголь будет 'дурная'. Да ведь допрашивали всех свидетелей, а я непыющийся. И машина у меня была в полной исправности — своими руками я ее перебрал и содержал как следует: тут техэкспертам тоже зацепиться было не за что.

В основном я, конечно, не оправдывался. Сегодня, анализируя, понимаю, что в тот день, говоря по-шоферски, я 'словил ворону': впереди передо мной неаккуратно шел МАЗ. Он то подглотит меня, то вперед уйдет — махнит. Я на перекрестке на секунду отвлекся на приборы, а МАЗ передо мной затормозил. Чтобы избежать столкновения, я притормозил, выехав чуть на встречную. А тут — навстречу кортеж. Они шли близко к осевой...

Следователь оказался прав. Приговор — 15 лет. Но на зоне я был действительно три года. Затем — амнистия, поселение. Это особая страна. Я ведь не глуповатик. Но человек такая сущность, что привыкает ко всему. И в страшном сне я не предвидел, как может в мои 33 обернуться жизнь. — Всегда был в передовых, избирался депутатом райсовета. Сначала в заключении все было дико, меня корюбили жаргон, дикие нравы зоны. А затем и сам стал пользоваться жаргоном, хотя ко мне он навечно не прилип. Но стал жить, как все...

Все притупилось, притерлось. И на зоне надо жить. Полявились и там интересы. Но самым страшным наказанием (ка-

ту, может быть любой самый добропорядочный гражданин, а наши зоны — слишком суровая школа: здесь человеку не дают быть самим собой и надзор, и охрана, и зэки.

Это сейчас немножко стали писать о том, что в зонах творится, что там за жизнь. Но участвует, что человек все равно мало знает об этой стороне действительности, об изнанке жизни. Те, кто сидел, те зря болтать не станут, — страшно это все. А кто хорохорится... Я со своими 'форемными университетами' на такого человека посмотрю, да и смогу о нем многое сказать, даже то, о чем он сам желал бы не вспоминать.

Довелось видеть в лагере здоровых мужиков, которые чисто физически могли бы постоять за себя. Но их сломали морально. Я не скажу, что меня уголовники сразу оставили в покое, хотя громкость дела позволяла соблюсти дистанцию. 'Шу-

это для меня было главным убеждением. Мы, аварийщики, ему и объяснили, что теперь, когда объявлена амнистия, а наши сроки не пересматриваются, задерживаются, — мы день за два отбываем.

Я вышел из зоны и никому ничего не остался должен в буквальном смысле этого слова: к сожалению, у некоторых получается по-другому. А, значит, тогда и жизнь у таких людей в нормальное русло не войдет. Я вернулся домой, где меня ждала семья, трое моих детей. Конечно, они по-человечески страдали от того, что произошла авария, что погибли люди, что я отбываю наказание.

Соседи отнеслись к моему возвращению нормально. Ну, а может, кто и был другого мнения, так и держали его при себе. Я все-таки бывший зэк, мало ли что от меня ждать можно! (Правда, эти слова Николай Митрофанович говорит улыба-